

3. Ильинская, И. С. О языковых и неязыковых стилистических средствах / И. С. Ильинская // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 84–89.

4. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске: Вып. 1 – 32 / изд. под ред. Созонова. – Витебск, 1871 – 1906. – Вып. 32 / под ред. Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903. – 569 с.

5. Федосюк, М. Ю. Построение русских официально-деловых текстов с позиций объяснительной лингвистики / М. Ю. Федосюк // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2019. – №2. – С. 102 – 109. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-russkih-ofitsialno-delovyh-tekstov-s-pozitsiy-obyasnitelnoy-lingvistiki> (дата обращения: 08.10.2024).

Е. В. Крикливец

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
УДК 821.161.3-1:94(4)''1941/1945''

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ТРАДИЦИИ И АВТОРСКИЙ ПОИСК

Ключевые слова: современная белорусская литература, поэзия, Великая Отечественная война, историческая память.

Современная белорусская поэзия о Великой Отечественной войне – это поэзия невоевавших. Авторы демонстрируют как преемственность традиций советской литературы, так и оригинальное жанровое и стилевое мышление, поиск новых подходов к художественному осмыслению и репрезентации исторической правды.

E. V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

CONTEMPORARY BELARUSIAN POETRY ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR: TRADITIONS AND AUTHOR'S SEARCH

Key words: contemporary Belarusian literature, poetry, Great Patriotic War, historical memory.

Contemporary Belarusian poetry about the Great Patriotic War is the poetry of those who did not fight. The authors demonstrate both the continuity of the traditions of Soviet literature and original genre and style thinking, the search for new approaches to artistic understanding and representation of historical truth.

Поэзия о Великой Отечественной войне – важная часть историко-литературного процесса всего советского и постсоветского пространства. Всенародную известность получили произведения М. Исаковского, В. Лебедева-Кумача, А. Суркова, К. Симонова, А. Твардовского, А. Кулешова, П. Панченко, М. Танка и др. Эхо войны продолжает звучать в поэзии её очевидцев и участников годы спустя. У авторов, оплакавших личные потери и переживших тяжелейший период послевоенного восстановления страны, появляется возможность взглянуть на пройденные испытания в ретроспективе, в контексте исторического пути народа и историко-культурного развития цивилизации. Послевоенная поэзия белорусских авторов С. Гаврусёва, А. Гречанникова, М. Лужанина, П. Панченко, А. Пысина и др. характеризуется драматическим пафосом. На смену эйфории от Победы приходит осознание того непомерного горя, которое принесла война людям. В стихотворениях возникает галерея образов героев, обездоленных войной: жёны, потерявшие мужей, матери, получившие похоронки на сыновей, женщины, измождённые непосильным трудом, дети, лишённые детства...

В современной поэзии осмысление событий Великой Отечественной войны представляет собой как рефлексию литературного наследия предшественников, так и попытки отыскать свой авторский подход к художественному постижению исторической правды, воплощению личной (семейной) и генетической памяти, импликации социальных и культурных национальных кодов. Разумеется, поэтические произведения военной, а точнее – антивоенной – направленности составляют лишь некоторую часть политематической и многожанровой поэзии невоёвавших. Стихотворения такого рода присутствуют в творческой копилке современных авторов как способ транспонировать события прошлого на внешнеполитические вызовы дня сегодняшнего, способ обозначить свою гражданскую позицию. Потому закономерно, что современная белорусская поэзия о Великой Отечественной войне на рынке художественной литературы представлена коллективными сборниками или тематическими подборками в литературно-художественных изданиях.

Многообразие авторских подходов к художественному постижению трагедии белорусского народа в годы Великой Отечественной войны продемонстрировано в коллективном сборнике «Па праву жывога», изданном в 2014 году к 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Семь десятилетий, отделяющие современных поэтов от кровавых страниц истории, позволили им осмыслить военное лихолетье, прошлое своих отцов и дедов с нравственно-психологического ракурса, в системе гуманистических христианских ценностей и представлений. В самые тяжёлые минуты жизни человек обращается за помощью к Богу. Не случайно, в произведениях белорусских авторов о войне появляется библейская образность и интерпретируются

евангельские сюжеты (Т.И. Краснова-Гусаченко «Огонёк», А. Жигунов «Ваяваў. І пад сяўбу араў...»). Понимание смерти на поле брани как христианской жертвы во имя мира становится своеобразным лейтмотивом актуальной белорусской поэзии о Великой Отечественной войне. К этому семантическому дискурсу относится стихотворение А. Барановского «Гарэла памяць, – нібы сноп...», где смерть солдата в окопе представлена как усупение, как окончание мученического земного пути и обретение благодати в жизни вечной: «Ляжыць ён з мірам на зямлі – // святой і голай. // Гудуць ахрыплыя чмялі, // ляцяць Анёлы» [1, с. 34]. Тема Святого Причастия и имплицитное сравнение погибшего солдата с Христом прослеживаются и в лирике А. Тявловского: «Ён жыве – не пытае веры, // і ня ведае, што ўваскрос, // нас, бязверных, уласным целам // прычашчаючы, бы Хрыстос» [1, с. 386] (А. Тявловский «Памяці дзед»). В стихотворении переплетаются народные эсхатологические верования, христианские представления о вечной жизни, сакрализуется гибель солдата на войне.

Можно утверждать, что аксиологический диапазон поэзии белорусских авторов о Великой Отечественной войне в последние годы расширяется, поднимаются вопросы нравственно-этического характера, связанные не с конкретными эпизодами войны, а с её античеловеческой сущностью в целом. Литераторы предлагают разные когнитивные подходы к осмыслению и художественной репрезентации чувства вины как неотъемлемой составляющей исторической памяти. В поэзии А. Зекова неоднократно звучит мотив отрицания вины участников, свидетелей, потомков за случившееся (стихотворения «1955 год», «Буслы над хатаю»): «І ў тым няма маёй віны, // што ўнука не пабачыў дзед»; «Не па яго зусім віне // ў мяне паменела радні» [1, с. 105]; «Хаця буслы не вінаваты, // што без дзяцей сумуе двор» [1, с. 107]. Однако в самом этом отрицании (и в частоте его употребления) закодирован иной смысл – указание на истинных виновников мировой трагедии, на тех, кто стремился заразить «коричневой чумой» половину земного шара. Семантический диапазон категории вины в современной поэзии о войне весьма широк: от отрицания до осознания и принятия (М. Башлаков «Віна», М. Дукса «Кампенсацыя»). По всей видимости, чувство вины возникает из-за ощущения неоплатности долга перед фронтовым поколением, из-за осознания того, каким тяжким бременем легла на плечи наших дедов и прадедов война, из-за понимания невозможности утрат, невозможности их компенсировать и вернуть фронтовикам загубленную молодость и отобранное войной счастье мирной жизни. Вины и покаяния справедливо ожидает наш народ от потомков немецко-фашистских захватчиков. Каково это – жить с чувством неизбежной исторической вины и причастности к глобальной гуманитарной катастрофе? Как можно было принять идеологию истребления и уничтожения? Все эти вопросы поднимаются в поэтических размышлениях М. Дуксы: «Пройдзе па вашаму профілю // смутак калінікалі – // дзеля чаго мефістофелю // душы свае аддалі?» [1, с. 93]

(М. Дукса «Што ўжо віна адпускаецца...»). Наконец, поэтическое творчество современных белорусских авторов свидетельствует о том, что чувство вины за попрание гуманистических ценностей интериоризируется всеми, кто претендует на высокое право «людзьмі звацца», дабы понимать и помнить, какое зло могут творить люди, чтобы не допустить повторения.

С неподдельным интересом и уважением вглядываются современные литераторы в лица людей, переживших войну. В новейшей поэзии создаётся целая галерея образов бывших фронтовиков, жителей оккупированных территорий, детей войны. Глубокому психологическому анализу подвергается внутренний мир человека, на долю которого выпали тяжелейшие испытания. Где, как не в лирике, воплотить результаты душевной трансформации: от ожесточения и расчеловечивания до образцов жизнестойкости и силы духа? Потрясает своей достоверностью образ лирического героя, представленный в стихотворении А. Аврутина «Щенят собрал хозяин неторопоко...». Поэт живописует характер человека, чьи детские воспоминания содержат чудовищные картины гибели младшей сестрёнки и матери от рук немецко-фашистских оккупантов. Угрюмый «хозяин» делится с автором-повествователем своей выстраданной правдой: «Собаку жалко?.. Только ты подумай – // щенят жалеть полегче, чем людей» [1, с. 10]. Читателю очевидны причины замкнутости и ожесточения «хозяина», понятна обыденность жизни на хуторе, которая декларирует свою нравственную «систему координат». Однако есть своя правда и у повествователя. Его глазами видим мы последствия этой обыденной жестокости: испуганного ребёнка, побитую собаку. Истоки расчеловечивания «хозяина» в том, что война сформировала «привычку» к смерти, установила такую «планку» жестокости, при которой её бытовые проявления уже не выглядят «из ряда вон выходящими». А отогреть свою искалеченную войной душу в мирное время «хозяину» так и не удалось.

Тему горькой доли женщин военного поколения, поднятую в поэзии второй половины XX века, развивают в своём поэтическом наследии А. Зеков («Буслы над хатаю», «Зязюля», «Цётка Прося», «Лёс цёткі Лёксы»), Г. Киселёв («Две женщины со мною рядышком...») и др. В произведениях А. Зекова женщины традиционно для военной поэзии изображаются безвременно постаревшими, измождёнными пережитым горем и непосильной работой. А вот Г. Киселёв, напротив, создаёт портреты молодых, тоскующих по любви женщин, которых война обрекла на отсутствие личного счастья.

Разумеется, галерею персонажей военного времени венчают в современной белорусской поэзии образы ветеранов войны. Стихотворений, посвящённых ветеранам, достаточно. К сожалению, многие из них шаблонны, наполнены схематичными, клишированными описаниями «седых голов», склонённых перед вечным огнём в память о павших товарищах. И потому несомненной творческой удачей автора

можно считать создание «живого» образа бывшего фронтовика в его бытовой, «не парадной», обстановке, которая и составляет истинную жизнь человека за пределами чествований 9 Мая. К таким произведениям следует отнести лирическую зарисовку М. Позднякова «Дзед Ігнат». Сельский мир, земледельческий круговорот, монотонные крестьянские будни – простая человеческая жизнь, в которой вдруг неким откровением становятся военные подвиги односельчанина, напоминающие о том, какой ценой завоёвано право на мирный созидательный труд.

Невольно или намеренно современные авторы сравнивают себя с фронтовым поколением. И в этом тоже видится попытка постижения исторической правды. Один из главных психологических эффектов художественной литературы – эмпатия – проявляется в стремлении познать другого, в военной поэзии – в категоричной постановке вопроса «А смогу ли я?», в предъявлении к самому себе высочайших нравственных требований: «О мне наверняка бы знать – смогу ль // я в площадном иль орудийном гуле, // как ты тогда, вперёд шагнуть под пули // и Родину закрыть собой от пуль!» [1, с. 140] (Г. Киселёв «Дядя Саша»). Психологическому погружению в реалии военного времени способствует и специфика субъектной организации ряда произведений. В сборнике «Па праву жывога» наблюдается организация повествовательного дискурса от имени павшего на поле брани бойца. Литераторы пытаются «примерить» на себя военные переживания, а потому используют такое построение лирического сюжета, где повествуемое «я» оказывается внутри событий, а не оценивает их через годы. Мёртвые вызывают к живым, к их сознанию и памяти: «– Трудно! // Мы мёртвые люди. // Глыбы нам давят груди» [1, с. 121] (Г. Казак «Эхо»). Реконструируемый поэтами диалог мёртвых и живых являет собой один из способов литературной рефлексии гуманитарной катастрофы, он обращён прежде всего к современникам в попытке детерминировать значимость исторического прошлого и ценность каждой человеческой жизни.

Литературная саморефлексия невоёвавших поэтов направлена на причины обращения к военной тематике. Современная литература словно выстраивает мост от настоящего к прошлому, восстанавливая утраченные взаимосвязи, предлагая новые подходы к заполнению временных лакун. Н. Малякко в стихотворении «Рэквіем» визуализирует замкнувшуюся цепь времён, персонифицирует акт окончательного завершения войны, которое состоится только тогда, когда последний ушедший ветеран встретится с первым павшим на войне солдатом [1, с. 224]. Помимо осознания своей миссии по аккумуляции, сохранению и передаче исторической памяти, белорусские авторы свидетельствуют о присутствии в личном и национальном ментальном пространстве памяти генетической, о встроенном «ДНК боли», которую представители белорусского народа передают из поколения в поколение. Самая жгучая и нестерпимая боль – в памяти семьи, в кровотоке, связывающим нас с дедами и прадедами

(Г. Самойло «Трагедыя на хутары Крушнікі», Г. Пашков «Маналог на кастрышчы»).

В поэзии невоевавших много ярких стилистических находок. Сборник «Па праву жывога» убеждает в том, что белорусские авторы умело пользуются художественной деталью, создавая психологически убедительные образы и предлагая свои способы художественной репрезентации военной трагедии. В первую очередь, художественная деталь позволяет современным поэтам метафоризировать историческую память с помощью приёмов визуализации. Удивительно зримые образы, основанные на семантическом параллелизме, воплощены в стихотворениях К. Камейши, Г. Пашкова, О. Салтука, где пейзажная зарисовка становится основой для создания социальной аллегории: «Галіны //ампутаваныя // у гэтых жалобных бяроз» [1, с. 125] (К. Камейша «Калдычэва»); «Запчоўкаюць вавёкі на галінах, // а нам здаецца – узводзяцца куркі» [1, с. 358] (О. Салтук «Скарга дрэў»). К мифологической образности апеллирует М. Поздняков в стихотворении «Шырокі дняпро», где Днепр может быть осмыслен как аналог мифологического Стикса, уносящего людей в царство мёртвых [1, с. 309].

Лиро-эпическое начало в новейшей белорусской военной поэзии демонстрирует жанровые искания и специфику жанрового мышления авторов. Многообразие форм представлено классической поэмой Г. Пашкова «Трывога»; микропоэмой (согласно авторскому определению жанра) М. Шабовича «Паэма памяці» (с семантической точки зрения это, скорее, цикл самостоятельных стихотворений, объединённых общей темой); метажанровыми образованиями В. Макаревича «Хатынь» и Н. Шклярской «Пялёсткі» и др. Следует пояснить, что «Хатынь» представляет собой жанрово-стилевую диффузию баллады и поэмы (поэма в балладах или цикл баллад): «Балада статыстыкі», «Балада імён», «Балада агню», «Балада пабрацімства» і «Балада званоў». «Пялёсткі» же Н. Шклярской включают в себя поэтические тексты разных жанров: лирическое стихотворение, баллада, плач, лирический монолог, заговор. Очевидно, что белорусские авторы ищут и предлагают новые жанровые формы, наиболее соответствующие художественному познанию сложнейшего и многоаспектного военного прошлого.

Таким образом, современная белорусская поэзия о Великой Отечественной войне создаётся как представителями старшего поколения, творчески осмысливающими своё военное и послевоенное прошлое, так и авторами, чей творческий поиск опирается на исторические факты, свидетельства очевидцев, литературное наследие предшественников и, что самое важное, – генетическую память белорусского народа. Поэтический диалог поколений обеспечивает и приемственность лучших традиций советской военной литературы, и появление новых векторов эволюции белорусского поэтического творчества. Оригинальные ракурсы художественного постижения и репрезентации исторической правды

о Великой Отечественной войне посредством мифологической и библейской цитации, семантического параллелизма, многообразия способов субъектной организации наполняют произведения актуальной белорусской литературы экзистенциальным звучанием, демонстрируют их аксиологический диапазон, выводят осмысление проблемы «человек и война» на новый философский уровень.

Литература

1. Па праву жывога: кніга-прызнанне сучасных беларускіх паэтаў да 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў / склад. Т.Ф. Рослік. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2014. – 472 с.

Н. В. Крыцкая

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава

УДК 373.3:028

ПРАБЛЕМЫ ФАРМІРАВАННЯ ЧЫТАЦКАЙ САМАСТОЙНАСЦІ НАВУЧЭНЦАЎ НА ПЕРШАЙ СТУПЕНІ АГУЛЬНАЙ СЯРЭДНЯЙ АДУКАЦЫІ

Ключавыя словы: чытанне, чытач, чытацкая самастойнасць, мастацкі твор, пазакласнае чытанне.

У артыкуле разглядаюцца шляхі фарміравання чытацкай самастойнасці навучэнцаў на першай ступені агульнай сярэдняй адукацыі. Аб'ектам вывучэння служаць некаторыя асаблівасці навучання літаратурнаму чытання. Тэарэтычныя палажэнні і метадычны каментарый ілюструюцца дыдактычным матэрыялам.

N. V. Krickaya

Vitebsk State University named after P. M. Masherova

PROBLEMS OF FORMING READING INDEPENDENCE OF STUDENTS IN THE FIRST

Key words: reading, reader, reading independence, artistic work, extracurricular reading.

The article examines ways of forming reading independence of students at the first level of general secondary education. The object of study is some features of teaching literary reading. Theoretical provisions and methodological commentary are illustrated by didactic material.